

Живет в Вятке (Россия).

* * *

Возвращаюсь домой из училища,
выпустившего меня пятнадцать лет назад,
в изношенном и выброшенном
чёрном пальто,

с коричневой,
давно разошедшейся на лоскутья сумкой.
По нарастающему снегу,
по нарастающей,
по нашей улице,
приближаясь к перекрёстку с улицей Маклина.
Мимо несгоревшего деревянного дома,
невырубленных берёз и тополей.
А навстречу мне – завсегдатай тех мест,
старожил Вятки (не люблю его встречать),
тот, что много лет в Израиле,
улыбается чуть по-вятски.
Но вот – никуда не уехал, –
идёт по безмашинной тишине нашей улицы,
по нарастающему снегу,
улыбается печальной израильской улыбкой,
и всё так же спрашивает:
«Дано мне тело – что мне делать с ним» –
кто написал?
И прищуривается: а-а-а...
Возвращаюсь домой –
дверь открывает бабушка.
Чёрно-белая кошка у бабушки на плече,
как всегда.
И ни следа тревоги.

ХЭЛЛОУИН

Позвонить старому другу.
Нет связи.
А я всё думаю: позвонить бы.
Где на разломе две тысячи тринадцатого
найдёшь будку с выбитыми стёклами?
Где возьмёшь две копейки –
позвонить старому другу?
Раньше бывало – раз в год
сам трезвонит и – пьяным голосом:
перезвони, денег нет на сотовом.
И проговаривает все мои.
Нагреется трубка, ухо отсохнет,
но мы оба рады.
И вот, года три я думаю: позвонить бы.
Где он? В Петербурге? В Стрельне?
Где-то Там, на высоком холме,
за пределами сотовой связи?

Особенно теперь –
в темно-синем предзимье,
на грани октября и ноября,
когда ночной город подсвечен
тыквами фонарей, –
я часто его вспоминаю. Позвонить бы,
достучаться до девяностых,
до самого их начала,
когда про Хэллоуин толком никто не знал,
не бегал по коридорам, вымазав лица.
Только он мог сказать с порога:
«Хэллоуин!» И найти тайный ход –
расшатанную доску в заборе
Ботанического оврага.
И вот мы уже внизу, на первом снегу,
за решёткой веток. В ночь
с тридцать первого на первое.
В наших руках ручей
и камни в холодной воде.
Пара свечек – зелёная и красная,
словно клетка шотландки.
И книги в заплечной холщёвой сумке –
открывать наугад.
И ещё рисунки.

Где же теперь,
в каком деревянном бараке,
за бутылочной изгородью
ты разговариваешь на крыльце
с котом Казимиром?
С кошкой ли Эсмеральдой?
Где нашёл выход –
расшатанную доску?
Куда пустился?
Нет связи.
И снега нет.

* * *

Ася замирает у окна.
На мгновение.
Улыбаясь краем рта.
Внутрь.
Это утро.
Времени – на пределе.

Но всё же... одно мгновение.
День сворачивается калачиком у ног.
Прорастает ледяными папоротниками на стекле.
Превращается в жестянку кружки.
У Аси в руке.
Завтрака нет.
И, возможно, что завтра...
Вода согрета на керосинке.
Заварка на исходе, но пока...
День растворяется в кипятке колотым рафинадом.
У Аси в руке.
Ася зависает на мгновение
над крошечной квадратной
коммунальной комнатой, с кружкой в руке.
На пределе... нет, это ещё не предел
бедности и терпения.
Комната – в угловатом стиле Демидова –
художника из Вятки.
Тридцатые. Ленинград.
Комнатушка в силах вместить лишь рояль,
под которым спала Милушка.
А у Зины комната на Васильевском – ещё теснее.
Зина кашляет всё сильнее.
И надо бы навестить.
Володя учится в Институте
Инженеров водного транспорта
и работает по ночам, чтобы концы с концами.
Ася работает счетоводом на заводе «Красногвардеец».

Проживает: Бородинская ул., д. 15, кв. 23.
Арестована будет 10 августа 1936 года,
осуждена на 10 лет тюрьмы,
отбывать наказание на Соловках.
10 октября 1937 года приговорена к высшей мере наказания.
Расстреляна в Сандармохе 4 ноября 1937.
Её муж Володя Соломин расстрелян в Ленинграде
19 декабря 1936 года,
отец – советский партийный деятель, – Иван Петрович Бакаев –
расстрелян в Москве 4 ноября 1936 года,
брат Пётр расстрелян на Колыме 4 февраля 1938 года,
брат Александр и сестра Татьяна были репрессированы.
Отец Володи – Владимир Федорович Соломин умрёт на этапе.
Мать – Мария Гавриловна Соломина
(урождённая Белозерская) умрёт от туберкулёза
не дожив до этого ужаса.
Сестра Володи Зина Соломина – художница, ученица Демидова,

умрёт от туберкулёза в Ленинграде, не дожив до репрессий.
Младшая – Мила, пианистка,
поступит в музыкальное училище,
но не выдержав тяжёлой Ленинградской жизни
вернётся в Вятку. И тем спасётся.
Будет дочерью врага народа.
У Милы родятся дети, у детей мы.

Ася замирает у стекла.
Ася видит: морозный день за стеклом
несёт в бутоне новый год –
колесо тридцать шестого.
Ледяные папоротники прорастают сквозь Асю Бакаеву.
Там, внизу, за стеклом, колесо проходит прямо по ней.
Там, внизу, Ася пишет письмо Володе:
«здесь удивительная природа, на Соловках».
Письмо летит в пустоту.
Ася уходит.
В точке невозврата зажимивает глаза. Делает шаг.
Открывает ключом двери в тридцать шестой.
Замирает у окна, с жестянкой чая в руках,
в демидовской комнатухе.
Греет руки.
Тёплой ладонью греет округлившийся живот.
Улыбается краем рта. Внутрь.

О себе

Публикации в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Новая юность», «Современная поэзия», «Интерпоэзия». Вышли две книги: «Молоко для волка» (Вятка, 2005 г.) и «Хаклберри» (Москва, издательство «Воймега», 2012 г.). Дипломант Волошинского конкурса 2013 г.

